

осознанию им ненужности своего воскрешения, и стихотворное послание «Памяти С.С. Боткиной», в которых наречие *там* семантизируется как пространственно-временная категория:

*Твой образ милый
Через жизнь мы в сердце пронесем
И там, за рубежом могилы,
Навек обнять тебя придем*

(Памяти С.С. Боткиной, 186);

*Куда идти, где некого обнять,
Там, где в пространстве затерялось время?
Вернись же, смерть, поторопись принять
Последней жизни роковое бремя* (Никогда, 60).

Надо заметить, что оппозиция «здесь–там» очень часто у Фета реализуется в одном стихотворном контексте:

*Луна плывет и светится высоко,
Она не здесь, а там.*

(«Забудь меня, безумец исступленный, 133);

*Не говори о счастье, о свободе
Там, где царит железная судьба.
Сюда! сюда! не рабство здесь природе -
Она сама здесь верная раба.*

(«Все, все мое, что есть и прежде было...», 69).

Однако семантика этой пространственной оппозиции в поэзии Фета весьма подвижна и не всегда даже зависит от нахождения в пространстве субъекта повествования.

Земное *здесь* у Фета может окрашиваться в негативные тона, а воздушное *там* – в светлые, нежные:

*Здесь темный дуб и ясень изумрудный
А там лазури тающая нежность* (Горное ущелье, 229).

И напротив: здесь, на земле, «среди заветных цветов» герою хорошо, а там, вдали, ему душно:

*Там у вас душно, там жаркая грудь
Разу не может прохладой дохнуть,
Да, нагоняя на слабого страх,
Плавают коршун на темных кругах.
Только вот здесь, среди заветных цветов,
Тень распростерла таинственный кров,
Только в сердечке поникнувших роз
Капли застыли младенческих слез* (Romanzero, 241).

Противопоставление «здесь–там» может быть выражено им пlicitно или экспликацией только одного из членов оппозиции, второй при этом восстанавливается из контекста или подразумевается. Например:

Какое счастье: и ночь, и мы одни!